

ВЫХОДИТЬ
Ежедневно по Субботамъ.
Подписка принимается во
всѣхъ Почтовыхъ Конторахъ
Имперіи, въ С. П. и М. газет-
ныхъ Экспедиціяхъ и у Почт-
мейстера Криденера въ Тифл.;
въ С. П. Б. у книгопрод. Кра-
шевникова, въ конторѣ Газ-
Кавказъ, учрежденной при ки-
маг. егона Михайл. пл. въ домѣ
Католич. церкви, а въ Одессѣ
у Тотти.

Годовая цѣна 7 руб. сереб.
въ пересылкою и доставкою на домъ 8 р.
Полугодовая:
съ пересылкою и доставкою на домъ 4 р.

24-го ЮЛЯ.

№ 30.

1848.

ВЫСОЧАЙШЕЕ НОВЕЛЪНІЕ.

ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ, согласно положенію Кавказскаго Комитета, Высочайше соизволилъ повелѣть: правила постановленныя въ ст. 1239—1244, тома III Св. Уст. о сл. по опред. отъ Прав., вкл. 1842 года и продолж. онаго, о выдачѣ изъ казны двойныхъ прогонныхъ и не въ зачетъ годоваго жалованья всѣмъ чиновникамъ, отправляющимся на службу въ Ставропольскую губернію, распространить вполнѣ на всѣхъ вообще лицъ, опредѣляемыхъ на службу въ Ставропольской губерніи по духовно-учебному ведомству.

ВЫСОЧАЙШИЕ ПРИКАЗЫ.

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО, въ присутствіи Своемъ въ Цетергофѣ, соизволилъ отдать слѣдующіе приказы:

По военному ведомству.

Юля 20-го дня 1848 года.

Опредѣляются въ службу. Изъ воспитанниковъ Императорской Медико-Хирургической Академіи. По части Медицинской. Доктары: Младшими Ординаторами въ Военные Госпитали: Михайловскій, во Владикавказскій. Педзольскій, въ Екатеринбургскій. Поцоловскій, Родзевичъ и Гнуни, въ Тифлиссскій.

МАХМУДКА.

Повѣсть Стрельническаго.

(Продолженіе.)

ТРАГЕДІЯ ШАХЪ ГУСЕЙНЪ. МАХМУДКА ПРОВОДИТЕЛЕМЪ.

Прошла зима, наступилъ мѣсяцъ Могаремъ, въ который Мусульмане Шинги празднуютъ память одного изъ своихъ мучениковъ — Шахъ Гусейна. Прежде надо сказать нѣсколько словъ объ этомъ Гусейнѣ.

Али, первый визирь Магомеда и послѣ него четвертый Калифа, имѣлъ двухъ сыновей: Гассана и Гусейна, которые по смерти его должны были урвать каифатомъ. Но Моавія, предводитель изъ поколѣнія Сафавовъ, отравилъ Гассана и присвоилъ себѣ престолъ. Послѣ Моавія наследовалъ сынъ его Іезидъ, который боясь мести Гусейна, послалъ противъ него вождя своего Ибнъ-Зида и настоящій наследникъ каифата, нанесть смерть на полѣ битвы съ дѣтьми своими и всѣми родственниками. Это случилось въ Кербелѣ, надъ Евфратомъ. Съ того времени Кербелѣ сдѣлался мѣстомъ поклоненія набожныхъ Шинговъ, а день смерти Гусейна празднуется у нихъ съ особеннымъ величїемъ.

Этотъ торжественный праздникъ продолжается около двухъ недѣль, (*) и заключается театральнымъ представленіемъ, на которомъ полѣ — мистеріей, въ которой безбожный Ибнъ-Зидъ разоборствуется по очереди съ сыновьями Гусейна, ихъ женами и дѣтьми и убиваетъ ихъ безъ всякаго сожалѣнія. Послѣ каждаго убійства воздухъ оглашается громкимъ хоромъ рыданіемъ нѣсколькихъ тысячъ зрителей; но когда очередь доходитъ до самаго Гусейна, тогда зрители впадаютъ въ неистовство, толпой стремятся на убійцу, тотъ убѣгаетъ въ городъ, зрители за нимъ, тутъ ихъ встрѣчаютъ градь камней съ близкихъ, врываютъ дровъ, изъ рукъ Сунатовъ, закатыхъ враговъ Гусейна и его секты, свалка свирѣпѣетъ, усиливается, кровь льется и въ это время, изъ казармъ вытѣнаетъ третья партия, — принимаетъ участіе въ религиозной войнѣ и прикладами ружей легко разгоняетъ двѣ первыя.

(*) Сколько ни случалось мнѣ читать описаній этого праздника, но ни одно не согласно съ тѣмъ что я самъ видѣлъ и даже эти описанія противурѣчатъ другъ другу. Должно полагать, что въ разныхъ мѣстахъ бывають и разные обряды, хотя они одиноковы въ главномъ основаніи. Прим. сеч.

Увольняется отъ службы. По части Провіантской. Коммиссіонеръ Полевой Провіантской Коммиссіи Отдѣльнаго Кавказскаго Корпуса, 9-го класса Казничевскій.

Юля 28-го дня 1848 года.

Назначается. По Пѣхотѣ. Начальникъ 20-й Пѣхотной Дивизіи и Лѣваго Фланга Кавказской Линіи, Генералъ-Лейтенантъ Лабинцовъ, состоять по Арміи, съ отчисленіемъ отъ настоящихъ должностей.

Переводятся. По Пѣхотѣ. Егерскихъ полковъ: Генералъ-Адъютанта Князя Воронцова, Прапорщикъ Рубцовъ, въ Пѣхотный Бригады Прусскаго полка, Тифлискаго, Маіоръ Мезенцовъ 2-й, въ 1-й Сувженскій Линейный Казачій полкъ, съ переименованіемъ въ Войсковые Старшины.

Увольняется отъ службы. За болѣзнію. По Гарнизонной Артиллеріи. Георгіевскаго Артиллерійскаго Гарнизона Подпоручикъ Теплово.

Умершій исключается изъ списковъ. По Линейнымъ Баталіонамъ. Кавказскаго Линейнаго Баталіона № 8-го Прапорщикъ Рыжковъ 2-й.

Юля 29-го дня 1848 года.

Назначается. По Гарнизонной Артиллеріи. Кавказскаго Артиллерійскаго Гарнизона Штабсъ-Капитанъ Комаровъ, состоять по Гарнизонной Артиллеріи.

Утверждается конфирмація. По Пѣхотѣ. Главнотроупающаго Отдѣльнымъ Кавказскимъ Корпусомъ, надъ Подпоручикомъ Навагинскаго Пѣхотнаго полка Лавровымъ, который, за предосудительное поведеніе и другіе противозаконные поступки, раз-

жаловывается въ рядовые, съ лишеніемъ дворянскаго достоинства, впрелъ до отличной выслуги.

Юля 30-го дня 1848 года.

Переводятся. По Кавалеріи. Бывшій Дербентскій Уѣздный Начальникъ, состоящій во Кавалеріи Маіоръ Руктецель, въ Самарскій Пѣхотный полкъ. По Пѣхотѣ. Новонингерманландскаго Пѣхотнаго полка Подпоручикъ Зайцовъ, въ Тифлиссскій Егерскій полкъ. Тифлискаго Егерскаго полка Прапорщикъ Леонтьевъ, въ Таможенную Пограничную стражу.

Увольняется въ отпускъ. На четыре мѣсяца. По Пѣхотѣ. Ставропольскаго Егерскаго полка Подпоручикъ Хемлицевъ, въ г. Тифлисъ.

Юля 1-го дня 1848 года.

Производится на вакансіи. По Артиллеріи. Артиллерійскихъ Бригадъ: Кавказской Гренадерской: изъ Подпоручиковъ въ Поручики: Ростковскій, Чащиковъ, Коптевъ, Ермоловъ и Пачовъ. Изъ Прапорщиковъ въ Поручики Воронцовъ. 20-й Полковой: изъ Подпоручиковъ въ Поручики: Ницкесвичъ 4-й, Давыдовъ и Семка. Изъ Прапорщиковъ въ Подпоручики: Дмитриевъ-Байцуровъ и Кошкинъ.

Переименовываются. По Иррегулярнымъ Войскамъ. Владикавказскаго Линейнаго Казачьяго полка Маіоръ Шидловскій, въ Войсковые Старшины, съ оставленіемъ въ этомъ же полку.

Переводятся. По Артиллеріи. Находящіеся при Артиллерійскомъ Училищѣ, Прапорщики: Семичевскій и Курсановъ, — оба въ 20-ю Полевую Бригаду.

Юля 2-го дня 1848 года.

Переводится. По Пѣхотѣ. Лейбъ-Гвардіи Егерскаго полка Штабсъ-Капитанъ Швахеймъ, въ

Представляющій Ибнъ-Зидъ, получаетъ значительную плату изъ общественной складки.

Мѣры приняты полиціею, постепенно уменьшаютъ эффектъ этого зрѣлища и теперь, не иначе дозволяется оно, какъ за плату почетнѣйшихъ жителей изъ Шинговъ, что ни кровопитіе, ни араки не будутъ. Теперь уже и самъ представитель Іезида не подвергается такой опасности; но за то, долгое время становится предметомъ ненависти и презрѣнія между своими. Роль эта была предложена сыну Абдулы. Деньги и презрѣніе! подумалъ сперва Махмудка а потомъ: презрѣніе и деньги! и наконецъ, согласился принять роль противника наследника каифатства.

Получивъ плату всю сумму, спряталъ ее за пазуху, вооружился съ ногъ до головы, сѣлъ на лычаго жеребца и выступилъ на поприще. Не далеко отъ мѣста, на которомъ должна была произойти битва, возвышались подмостки, а на подмосткахъ сидѣлъ Іезидъ, окруженный своимъ дворомъ и какой-то европейскій посолъ Фрэнкъ-Элмъ, татаринъ съ огромною бородой, бритою головой, въ треугольной шляпѣ съ перьями, во фракѣ и при шпагѣ, въ широкихъ татарскихъ шараварахъ и въ туфляхъ. Неприятель занималъ правую сторону и тамъ-то, сыгранъ прологъ и первая сцена трагедіи. Во время безконечныхъ тирядъ, какихъ не устыдился бы и самый знаменитѣйшій изъ Расплютыхъ Римлянъ, — Шахъ Гусейнъ по очереди высматривалъ на битву своихъ сыновей. Тотъ на котораго падала очередь, послѣ продолжительнаго прощанія и плача, садился на коня, встрѣчалъ Махмудку, обращалъ къ нему рѣчь, стараясь разжалобить его, но Махмудка отбѣгалъ только односложными словами, или совершенно молчаніемъ, — былъ непреклоненъ какъ скала, начинался бой — полѣ нѣсколькихъ эволюцій Махмудка стрѣлялъ изъ пистолета вверхъ, а противникъ его падалъ съ лошади на землю. Къ гла мужику не стало, пришла очередь на женщинъ. Напрасно каждая изъ нихъ, завернувшись въ чадру, во первыхъ изъ скромности, а во вторыхъ, что бы скрыть бороду и усы, — вскрикивала, визгивала, то есть, настоящихъ женскимъ голодомъ взывала о состраданіи — сынъ Абдулы не зналъ жалости и къ прекрасному полу, дѣло шло о выгодахъ его владыка — Шаха Іезида. Наконецъ перерѣзалъ и дѣтей.

Послѣ каждаго сшибки, приближалась печальная процессія изъ нѣсколькихъ десятковъ Шинговъ, въ окруженіи которыхъ плачь, съ изреченными головами и грудями и хоромъ вопилъ: Шахъ-Гусейнъ! вай Гусейнъ! выносила мимо убитаго за предѣлы поприща. Народъ плакалъ и проклиналъ убійцу.

Осиротѣвшій Имамъ, не имѣя никого кто бы могъ за него ратоборствовать — выступилъ самъ. Махмудка задрожала — онъ помнилъ, какія послѣдствія влекетъ за собою эта послѣдняя сцена — могъ сдѣлаться жертвою бѣшенства народа; за вынужденное убійство заплатить настоящею смертию... Когда священный ратоборецъ сталъ передъ нимъ и началъ свое длинное воззваніе, Махмудка, не дождавшись конца, повернулъ коня и хотѣлъ

было дать тягу, да на бѣду, въ ту же секунду схватилъ за узду, конь надбы, Махмудка упалъ на землю и придавленный тяжестью копыту не могъ подняться и его со всѣхъ сторонъ окружили.

Не погнѣ военачальникъ Іезида, по погнѣли его абазы, что зарпятавъ за пазуху, а въ барышахъ осталось только нѣсколько сиваковъ.

Въ это самое время пробѣжалъ мимо Комендантъ съ Павломъ. Когда приблизились, то уже все пришло въ порядокъ и Махмудку освободили.

Какъ тебя зовутъ? ей ты? котораго тамъ тормозили? — спросилъ Комендантъ. «Махмудъ-б-к!» — Какимъ же образомъ зовенся бекомъ и наиващешъ въ шуты? «Хотѣи съ зарплатою на чурки.» — Хорошо ступай!

Махмудка едва простоналъ свои отвѣты. Въ первый разъ случилось ему стать глазь на глазь съ управителемъ Ширвава, и онъ отошелъ въ сторону, занятый мыслію, что дождался такой чести.

Комендантъ спросилъ Наба: — Что это за человекъ? какъ ведешь себя? — «Какъ нельзя лучше! (Набъ никогда и не слышалъ о Махмудкѣ) Что-же, — онъ бѣденъ? — «Бѣднѣйшій изъ бѣдныхъ.» — Ну, такъ дай ему у себя какой нибудь приютъ, пожалуй, сдѣлай *Эсаулюкъ*, по крайней мѣрѣ не будетъ принужденъ свискивать себѣ хлѣбъ подобнымъ заработкомъ.

Должность эсаула (десятника) занимаетъ самую низшую степенъ въ полицейской іерархіи; но у Татаръ, которые еще помнятъ ханскія времена, эта обязанность не безъ значенія. Въдъ Абдула былъ только выметателемъ сора!

VI.

НЫНѢШНИЕ ОБЫЧАИ. ДЕРВИШЪ. ШУМНЫЙ

ВЪЕЗДЪ МАХМУДКА НА БАЗАРЪ.

«Солнце склоняется, блѣднѣетъ и угасаеетъ надъ Ахсускими горами и смотря оттуда на Шемаху, кажется, будто говоритъ народу пророка: — брось дѣла мирскія, время намаза уже наступило. Муллы, взобравшись на мечети оглашаютъ воздухъ гимнами. Люди это слышатъ, видятъ что солнце скрывается, но объ намазѣ не думаютъ. Базаръ не перестаетъ кипѣть движеніемъ и говоромъ. Таковы-то теперь времена, таковы обычаи: едва кое-гдѣ закрылись двери какой нибудь темной лавки, едва нѣсколько стариковъ найдешь надъ фонтаномъ карванъ-сарая, занятыхъ набожнымъ омовеніемъ пяти членовъ. А люди нынѣшняго вѣка стали мудре: давай имъ денегъ, давай имъ запрещенныхъ наслажденій — теперешніе люди поклоняются разврату, какъ предки ихъ поклонялись черному камню Мекки. Вотъ напримѣръ, этотъ молокососъ, который побрилъ себѣ бороду, подражалъ невѣрнымъ и шапку надѣлъ на правое ухо, смогри-те, съ какою поспѣшностію мигуетъ онъ двери мечети, а зачѣмъ, — торопится къ чагамъ (танцовщицамъ). Или

Егерскій Генераль-Адъютанта Князя Воронцова полкъ, Маіоромъ.

ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ, согласно ходатайству Главнокомандующаго Отдѣльнымъ Кавказскимъ Корпусомъ, въ 19-й день сего Іюня Высочайше повелѣть соизволилъ: прикомандированнаго къ Кизлярскому Линейному Казачьему полку Прaporщика *Баматова*, замѣченнаго въ нерадѣніи къ службѣ, отправить на службу въ Варшаву въ Кавказско-Горскій дивизионъ, сверхъ комплекта, съ отлачею его тамъ подъ строгій надзоръ, и съ предоставленіемъ ему права возвратиться оттуда на родину, безъ зачисленія по прежнему въ полкъ, до особой на Кавказѣ заслуги, не прежде, какъ по совершенномъ его тамъ исправленіи.

По гражданскому вѣдомству.

Въ присутствіи Своемъ, въ Петергофѣ.

По Кавказскому и Закавказскому краю.

Іюня 22-го дня 1848 года.

Назначается. Директоромъ училищъ Подольской губерніи, Инспекторъ Тифлисской Гимназіи Статскій Совѣтникъ *Роскошечко*.

ВЫСОЧАЙШІЕ УКАЗЫ.

Высочайшими указами данными Капитулу Россійскихъ Императорскихъ и Царскихъ Орденовъ, Всемилостивѣйше пожалованы кавалерами: *Ордена Св. Разноапостольнаго Князя Владимира 3-й степени*. Апрѣля 26-го, Флигель-Адъютантъ Его Императорскаго Величества Командиръ Егерскаго Генераль-Адъютанта Князя Чернышева полка, Полковникъ Князь *Барятинскій*, въ воздаяніе за отличное мужество и распорядительность, оказанныя во время зимней въ Чечнѣ экспедиціи на лѣвомъ флангѣ Кавказской линіи. *Того же ордена 4-й степени съ бантомъ*. Мая 4-го, Маоры: Старицкаго Егерскаго полка *Прушинскій* и Кубанскаго Егерскаго полка *Зерель* и Генеральнаго Штаба Штабсъ-Капитанъ Баронъ *Сталь*, въ воздаяніе за отличное мужество и храбрость, оказанныя въ дѣлахъ противу Горцевъ въ прошломъ 1847 году. *Того же ордена и степени безъ банта*.

тотъ, что кажется, будто ищетъ чего-то, — не можетъ идти прямо, потому что въ немъ болѣе вина, нежели въ грузинскомъ бурдюкѣ. Спроси того торговца шелковыми тряпками, съ кѣмъ онъ дружески обнимается, вѣрно съ тѣмъ, кто помочь ему въ мошенничествѣ. — Гдѣ тѣ были времена, гдѣ тѣ времена, когда въ дни Байрама были полны все мечети, ихъ сѣни и дворы, когда въ часы молитвы истинный мусульманинъ забывалъ обо всемъ, спѣшивъ на берегъ воды и послѣ надлежащаго очищенія, коленно-преклоняясь на коверъ, совершалъ молитвы и мечталъ о прелестяхъ седьмого неба; когда никто не нарушалъ заповѣдей пророка!... О, гдѣ же эти прекрасныя времена!... Такъ вѣрчатъ Шамахинскіе старики, смотря на молодое поколѣніе и качаятъ головами. Ахъ, да гдѣ же старики не вѣрчатъ. Человѣчество подвигается впередъ, усовершенствуется, возмужаетъ — какъ это доказали наши френегистанскіе мудрецы; а между тѣмъ, тѣ, которые уже пережили прогрессивность своего духа и обрадуются вснѣмъ, готовы увѣрить свѣтъ, что и онъ съ ними идетъ назадъ. Врежде имъ было лучше, но только имъ собственно, — тогда жили жизнью, а не воспоминаніями, жили въ вознебномъ теремѣ юности и надежды; вѣтеръ по выбивалъ окна въ ихъ замкѣ, со стѣнъ обвалилась штукатурка — скучно имъ теперь, холодно, потому то отъ скуки и вѣрчатъ себѣ. Наставеть и для тебя мой читатель это время, если еще не настало, когда и ты будешь кивать головою и жаловаться на развратъ вѣка, какъ и тѣ старики. Но, пока, посмотримъ что дѣлается на базарѣ.

Базаръ Шамахинскій составляетъ центръ города, sensation соmine, его душу, голову и желудокъ. Тутъ возникаютъ, растутъ, двигаются и рѣшаются все дѣла; тутъ знакомый ищетъ знакомаго, пріятель пріятеля, врагъ врага; тутъ торговля, промиселъ и рукодѣліе, завязаны между собою за руки — вертятся въ кружокъ, какъ слабульки дровишки; тутъ все найдешь на виду, что только понадобится для удовольствія тѣла и души. Ты голоденъ? Вотъ тамъ клубящаяся паръ выходитъ изъ котловъ съ плескомъ; этакъ баранъ, еще живой, по твоей волѣ, чрезъ двѣ, три минуты, преобразится въ кусочки сочнаго кебаба. Болѣтъ ли ты чѣмъ нибудь? обратись къ технику — узнаешь его по ланкету, съ которымъ стоитъ у дверей своей лавочки, въ ожиданіи практики; не рассказывай ему что у тебя болитъ, а только саднѣе, выставь руку, ногу, носъ, или ухо, потому что это все равно, и въ ту же минуту выздоровѣешь — цѣною двухъ фунтовъ крови. Желашь ли имѣть новыя туфли, чоху, или шаравары? Въ томъ вѣтъ рядъ лавокъ работаетъ цѣхъ портныхъ, въ томъ шьются туфли. Хочешь ли имѣть умъ? Тамъ, въ свѣтлѣ мечети, среди толпы маленькихъ и большого возраста адептовъ, увидишь восточную минерву волонтирующую въ красно-бородатаго муллу, въ одной рукѣ держащаго корая, а въ другой связку буйволиныхъ жилъ. Любопытствуешь ли узнать заграничныя новости? Вотъ тянется персидскій караванъ, вотъ арбы изъ Тифлиса, а вотъ всадникъ съ значкомъ, въ дико-пестромъ одѣяннѣ,

Мая 15-го, Главный Лекаръ Шемахинскаго военнаго госпиталя, Штабъ-Лекаръ Надворный Совѣтникъ *Чапскій*, младшій Ординаторъ Тифлискаго военнаго госпиталя, Штабъ-Лекаръ Коллежскій Ассессоръ *Поодтъ*, Старшій Ординаторъ Лабинскаго военнаго госпиталя, Штабъ-Лекаръ Тигулярный Совѣтникъ *Золотаревъ* и Главный Докторъ Царско-Колодскаго военнаго госпиталя, Штабъ-Лекаръ *Роубе*, въ воздаяніе за отличную-усердную и ревностную службу. *Золотою шапкою съ надписью: «за храбрость»*. Апрѣля 29-го, Генеральнаго Штаба: Полковникъ *Форстенъ*, и Старшій Адъютантъ Главнаго Штаба войскъ на Кавказѣ находящихся, Подполковникъ *Идреніусъ*, въ воздаяніе за отличное мужество и распорядительность, оказанныя во время зимней экспедиціи на лѣвомъ флангѣ Кавказской линіи. *Золотою полусаблею съ надписью: «за храбрость»*. Апрѣля 29-го, Командиръ Навагинскаго Пѣхотнаго полка Полковникъ Баронъ *Вревскій 2-й*, въ воздаяніе за отличное мужество и распорядительность, оказанныя во время зимней въ Чечнѣ экспедиціи на лѣвомъ флангѣ Кавказской линіи.

КАВКАЗЪ.

ПРАЗДНИКЪ 25-го ІЮНЯ.

УКР. ВОЗДВИЖЕНСКОЕ, 1848 Г.

Послѣ долгаго странствованія въ странѣ дикой и угрюмой, гдѣ утомляется взоръ, созерцая одиѣ гигантскія скалы, разрывы въ массахъ вѣковаго гранита и грозныя громады фантастическихъ очертаній, висяція надъ головою у дороги; въ странѣ, гдѣ повсюду встрѣчаешь всеобщее смѣшеніе, гдѣ на вчерашнемъ обвалѣ покоятся новыя твердыни, готовые рушиться въ свою очередь, — съ какимъ сладостнымъ чувствомъ видишь передъ собою, на обширномъ горизонтѣ, зеленые дуга, холмы покрытые красивыми лѣсами, или уѣздичавыя отдѣльными веселыми рощами, и ручьи, звывающіеся по долинамъ, между душистыхъ травъ!...

Подобное чувство испыталъ я вчера, 25 го Іюня, въ день рожденія Государа Императора.

Событія на Западѣ, онечалили всѣхъ благомыслящихъ людей; одни жалуются о потерѣ своего вѣрованія въ нравственное совершенствованіе че-

это *чоушк*, возвѣщающій возвращеніе богомольцевъ изъ Мекки. Или стань и слушай! Посѣтители ярмарки состоятъ изъ актеровъ и фокусниковъ; послѣдніе свистятъ, или поютъ импровизированныя пѣсни, но оставь ихъ, а послушай актеровъ. Каждый изъ нихъ кричитъ всею силою груди; въ одно время услышишь похвальную оду горничьимъ чурчакамъ и легенду о талисманѣ имѣвшемъ силу больныхъ вылечивать, здоровыхъ укрѣплять, печальныхъ развеселить, — однимъ словомъ, противодѣйствовать всѣмъ бѣдствіямъ нашей скорбной юдоли; и ты слыши сказку о свѣжихъ товарахъ, до того свѣжихъ, что верблюды, которые ихъ привезли, до сихъ поръ еще сапаютъ; и элегии обманутыхъ надъ пропавшими деньгами, тысячи разныхъ повѣстей въ дѣйствіи. Этому гуденію вторятъ звуки колокольчиковъ и бубенчиковъ каравановъ, рычаніе верблюдовъ, крикъ ословъ и скрипъ арбы никогда не мазающихъ.

Посреди этой движущейся, блестящей мозаики созданій, разтекающейся въ различныя направленія, какъ фантазматическія тѣни, взоръ, однакожъ, встрѣчаетъ тамъ и здѣсь неподвижныя группы, на которыхъ можетъ остановиться — то кружки любопытныхъ, привлеченныхъ какимъ нибудь зрѣлищемъ. Первое мѣсто занимаетъ бой барановъ — невиннѣйшая забава въ свѣтѣ; зрителей не занимаетъ, какая сторона побѣдетъ или изранитъ, а которая первая дастъ тугу. Далѣе — побойще пѣтуховъ; здѣсь уже вовсе иное дѣло; здѣсь уже столько запальчивости, уперства, столько рыцарской отваги! точь въ точь какъ между людьми. Далѣе, обезьяна дѣлающая преуморительныя гримасы. Далѣе, фокусникъ съ бубенчиками. Далѣе, фокусникъ съ книжками, которымъ, вотъ — вотъ готовъ себя прогнать на сквозѣ.

Но болѣе всего толпится зѣвакъ около разскащика — дровишка. Усѣвшись вокругъ его, въ нѣсколько рядовъ, однакожъ, въ почтительномъ отдаленіи, чтобы его мимическимъ движеніямъ, которыхъ требуютъ разсказы, оставить довольно простора, — ловятъ ушами его выраженія, очами малѣйшіе жесты. Купецъ покинулъ свои товары, ремесленникъ станокъ, поваръ горшки и котлы, путешественникъ забылъ свой пукъ и коня, который санитъ подъ тяжестью бѣдока и сумокъ; даже нѣсколько навмоченныхъ верблюдовъ остановились и все это забывающа Божьимъ свѣтѣ, какъ будто бы околдованное, нѣсколько часовъ не двигается съ мѣста. Только иногда, болѣе выразительные движенія и крики сказочника, машинально повторяются въ кружкѣ слушателей.

Героемъ повѣсти, на этотъ разъ, служитъ Искендеръ двурогій (Александръ Великій.) Этотъ знаменитый Шахъ особенно любилъ дровишекъ, отдавалъ имъ все деньги и драгоценныя камни добытыя отъ неприятелей, а себѣ оставялъ только земли; но не даромъ. Они служили ему факелами и при всякомъ сомнительномъ случаѣ, освѣщали его блескомъ своей мудрости; но никогда не помогали ему столько, какъ во время войны его съ великанами Яджужъ и Маджуджъ: нѣсколько-кратныя штурмы были отражены, ни одна хитрость не удавалась; неприятель уже

ловѣчества; другіе сочувствуютъ великимъ бѣдствіямъ и все съ ужасомъ възираютъ на злѣе обществъ, потрясенное въ основаніи.

Какъ христіане, мы не можемъ быть тѣмъ римскимъ поэтомъ, который находить, что:

«Suave est alterius spectare laborem.»

Но сидя у тихаго берега, мы безопасно и спокойно, хотя и съ состраданіемъ, слѣдимъ взорами за бурными волнами океана и грозною революціей, несущими, между подводныхъ скалъ, дряхлый корабль европейскихъ обществъ.

Въ этомъ году Главнокомандующій Отдѣльнымъ Кавказскимъ корпусомъ, съ отрядомъ, котораго большую половину составляетъ полкъ его имени, занялъ позицію впереди лѣваго фланга нашей оборонительной Кавказской линіи, въ Воздвиженской крѣпости. Выборъ этой позиціи разбѣиваетъ силы Чечни и Сѣвернаго Дагестана, гдѣ Генераль-Лейтенантъ Князь Аргутинскій долженъ исполнить значительное предпріятіе, и вмѣстѣ съ тѣмъ, привлекая вниманіе неприятельской кавалеріи, сосредоточенной противъ отряда Воздвиженской крѣпости, даетъ средства новымъ станицамъ по Сунжѣ и въ центрѣ линіи, кончить покосы и уборку хлѣба, не бывъ тревожимы безиррегулярными набѣгами неприятельскихъ партій.

Желая изъяснить свое удовольствіе находящимся подъ начальствомъ его войскамъ, которыя одиѣ передъ другими соперничаютъ въ рвеніи и усердіи къ службѣ, истинно съ кавказскимъ жаромъ, — Главнокомандующій назначилъ отпраздновать день рожденія Государа торжественнымъ вѣдомомъ для всего отряда. На обширномъ крѣпостномъ плацѣ поставлены были столы на 4000 человекъ и были приняты мѣры, чтобы всѣмъ остальнымъ войскамъ, занятымъ службою въ лагерѣ и въ другихъ мѣстахъ, достался тотъ же самый обѣдъ.

Въ 10-мъ часу утра, по припятіи поздравленій, Главнокомандующій, въ сопровожденіи многочисленной свиты, отправился въ церковь, для призыванія благословенія Божія на главу Того, въ чьихъ рукахъ находится теперь краугольный камень званія обществъ; за тѣмъ, прибывъ на площадь, Его Сіятельство обошелъ войска, стоявшія у столовъ, поздравилъ ихъ съ торжествомъ въ днѣмъ и ставъ среди ихъ, провозгласилъ здоровье Его Императорскаго Величества.

Громкое ура! отвѣчало на тостъ, и пиръ начался. Ротные кухмейстера превзошли сами себя и

огранился заваломъ изъ горъ, поставленныхъ одна на другую. — Видя, что шутить тутъ нечего, герой съ двумя рогами, свиваетъ дровишекъ. Сбрасуютъ свѣтлыишки Пелама; а былъ между ними одинъ, какъ мѣсяцъ между звѣздами, какъ пятница между другими днями, по имени Алскеръ (ужь не Калисефъ ли.) Онъ занималъ обязанность перваго Визиря. Вотъ этотъ хозяинъ муроски усѣлся на подушкѣ изъ драгоцѣннѣйшей парчи, поправилъ кушакъ, погладилъ длинную, черную, касавшуюся земли бороду и перебирая пальцами бриллиантова четки такъ проговорилъ: о Надшахъ, свѣтло вселенной! Нѣтъ Аллаха, кромѣ Аллаха, а Махомель пророкъ его. Владыка кивнулъ головою въ знакъ, что и самъ не иначе думаетъ; а витія, замѣта это, ободрился и продолжалъ, но, на непонятномъ для насъ, и для остальныхъ слушателей — фарситскомъ языкѣ, а потому не знаемъ что присовѣтовали дровишки и чѣмъ кончился походъ.

Быть можетъ многихъ удивитъ этотъ Александръ Великій на Шамахинскомъ базарѣ? Но борьба древняго воюста съ двигателемъ Греческой образованности, есть одинъ изъ тѣхъ гранитныхъ фактовъ, надъ которыми время напрасно притупляетъ свои зубы. Объ немъ знаетъ каждый безъ книги и безъ школы; трудно найти Мусульманина, который не знаетъ бы чего нибудь забавнаго о Искендерѣ — Шахѣ. Какая богатая лодка для любителя преданій, сколько любопытныхъ подробностей, которыхъ не найдешь ни у Ариана, ни у Плутарха, ни даже у Квинта Курція. Безсомнѣнія, болѣе такихъ, которыхъ волшебная поэзія, эта другая Цирцея, превратила въ чудовища; однакожъ, на нѣкоторыхъ изъ нихъ долженъ быть остаться историческій характеръ и эти послѣдніе, ожидаютъ только строгой критики, чтобы занять въ исторіи имъ принадлежащее мѣсто. Можетъ быть когда нибудь и дождемся этого — одному Аллаху только извѣстно какіе неожиданныя сюрпризы готовитъ намъ будущность.

Дровишекъ находится въ чрезвычайномъ поэтическомъ восторгѣ — съ устъ его такъ и льются музыкальные звуки позтовъ, тѣ самыя, на которые пѣвецъ Гюнистана наизлгалъ свои перлы, — все болѣе возвышается голосъ, уже доходить до гимна. Толпа ничего не понимаетъ, однакожъ смотритъ ему въ глаза и рукоплещетъ. Да оно и пріятно смотрѣть изъ дровишка, какъ онъ строитъ грамасы, какъ ловко вертится и присѣдаетъ и подсканиваетъ. А какія штуки проделываетъ желѣзною палочкою! потъ уайбка видна на его лицѣ, вѣрно что нибудь разсказываетъ смѣшнаго — ха, ха, ха, засмѣялся хоромъ слушатели. Но что же, нахмуривъ брови, замываетъ руки, охъ, видно худо пришло этому Искендеру — вай, вай! кричатъ слушатели.

Когда кончилъ, дождь абазовъ и шауровъ посыпался къ его ногамъ. Наставленіе не пропало даромъ, щедрость Искендера наша подражателей. Собралъ деньги, дровишекъ закричалъ расходящимся слушателямъ. А хотѣе услы-

деньги Князя проявились во всѣхъ возможныхъ формахъ; на блюдахъ лежали огромныя части говядины, приправленныя и украшенныя картофелемъ и огурцами; гигантскія пирамиды плова, получившаго право гражданства въ нашей кавказской кухнѣ, и необыкновенной величины пироги, — заранѣе щекотали вкусъ ротовыхъ гастрономовъ; бѣлаго и чернаго хлѣба сколько угодно, и все это подкрѣпленное соразмѣрнымъ количествомъ котловъ, со щами и аппетитною кашею. Но, кажется, всего болѣе радовалъ храбрыхъ воиновъ видъ чановъ съ чакхиремъ, изъ которыхъ каждый черпалъ сколько душѣ было угодно. Такъ какъ съ двухъ сторонъ крѣпости расположены два аула, населенные туземцами, нашедшими здѣсь убѣжище отъ «свободы, равенства и братства» (*liberté égalité et fraternité*), проповѣдуемыхъ Шамилемъ, то и для нихъ поставлены были особые столы, и, можетъ быть, бѣднякамъ этимъ удалось въ первый разъ въ жизни поѣсть досыта за обѣдомъ, сопровождаемымъ достаточнымъ количествомъ пива и портера; хотя они съ нѣкоторымъ чувствомъ зависти поглядывали на вино и водку, разносимыя между солдатами; потому-что, къ сожалѣнію, присутствіе мушкетера мѣшало имъ вкусить запрещенныхъ напитковъ.

Всѣ офицеры завтракали подъ тѣнью обширнаго шатра, раскинутаго по близости. Было весьма любопытно обойти кругомъ площадь по окончанію обѣда; казаки, артиллеристы, егеря и другіе пѣхотные солдаты, туземцы, — все смѣшалось и перемешалось въ общей, шумной радости. Тамъ толпа солдатъ, при громкихъ крикахъ ура! поднимала на рукахъ своихъ любимыхъ офицеровъ, за которыми привыкла слѣдовать въ бою; тамъ пѣсельники забавлялись слушателямъ пѣснями, которыя столько разъ сокращали имъ время утомительнаго похода и развлекали въ свободныя минуты на далекихъ бивакахъ. Далѣе, неутомимые плясуны возбуждали восторгъ даже между группами чеченцевъ, которыя хотя и закрывались платками, но не менѣе того являлись, чтобы показать себя.

«Et fugit ad salices
Et se cupit ante videri»

Люди всѣ тѣже! Въ сторонѣ отъ общаго волненія, весело попивали старые товарищи, вспоминая прежніе свои подвиги, съ надеждою совершить новые.

Когда время положить волшебную печать далекаго прошедшаго на воспоминаніе объ этомъ праздникѣ, когда изъ всѣхъ, принимавшихъ въ немъ

шатъ новости о Кавли-Гарунѣ? (кави — кроль, разбойникъ.) Но соловей не поетъ напрасно, соловья баснями не кормятъ, надо ему росы; въ то время только, какъ новая капля на лепесткѣ розы, тогда и брызнетъ новый звукъ изъ устъ пѣвца.

Всѣ воротились, обѣди его кругомъ и каждый поспѣшилъ новымъ подаркомъ купить себѣ предметъ для вечерней бесѣды. Кавли-Гарунъ былъ нарядникомъ, или, какъ у насъ бы назвали — грабительмъ здѣшнихъ окрестностей. Подобныя лица, въ человѣческомъ воображеніи, покрываются какимъ-то поэтическимъ сіяніемъ; мы любимъ слышать объ ихъ смѣлыхъ подвигахъ, объ ихъ жизни, не связанной ни какими общественными условіями, а слѣдовательно, вѣрно изображающей элементъ личной свободы; мы готовы оправдать ихъ гдѣ только можно, и лишь бы насъ самихъ оставили они въ покое, прощаемъ имъ отъ души, если у кого нибудь изъ нашихъ ближнихъ отнята мѣшокъ съ деньгами, или самую жизнь. О Гарунѣ рассказывали, будто онъ былъ потомокъ хорошей фамиліи въ Карабахѣ, или Персіи, и былъ славный малый, но имѣя мошечника брата, который занимался контрабандою и однажды защищая его отъ нападенія пограничной стражи, убилъ одного офицера, другихъ переранилъ и это-то заставило его вести настоящую жизнь.

Между мелкою монетою, называемою отсюда на дервиша, понался и червонецъ. — Понимаю, сказалъ онъ подбравъ деньги. — понимаю тебя, смотришь сердито, не бойся! Слушайте, расскажу въ нѣсколькихъ словахъ, потому что уже темнѣетъ. Всѣ вы знаете того толстакъ Бала-бека, который кочевалъ зимою на Сальнянской степи; вотъ какъ солнце его тамъ припекло, то потянулся въ прохладу, между горъ. Вечерній вечеръ засталъ его въ долинѣ надъ Каздычьемъ, а кровавый Гарунъ, былъ въ то время на ближайшей горѣ. Смотритъ — табора огромный, какъ погнала скотъ къ рѣкѣ, то едва не всю воду выпилъ. А ну, сказалъ онъ про себя — спущу-ка борзыхъ со смыка! не для добычи, потому что отъ этихъ пастуховъ трудно чѣмъ либо поживиться, но такъ! Хотѣлъ попробовать какъ ему удастся управиться противъ толпы въ четверо многолюднейшей. Подалъ сигналъ выстрѣломъ — сбѣжались джигиты и вдругъ, двадцать нуль свистнули въ табора. А — я — ай, какая же тамъ поднялась суматоха! Все что было живое, завопило въ одинъ голосъ — люди, бабы, дѣти, собаки, верблюды, ослы. . . . Одни ругаются, другіе плачутъ, третіе отдаютъ приказанія, да никто ихъ не исполняетъ. Нужно было при первомъ переполохѣ гаркнуть и ударить — но глубокой оврагъ раздѣлялъ нападающихъ отъ атакованныхъ и Гаруну пришлось обѣхать гору. А тѣ между тѣмъ справились, пришли немного въ порядокъ, сбѣжали себѣ завалъ и уже трудно было съ ними справиться. Гарунъ устраиваетъ своихъ, взываетъ къ Аллаху и ударилъ. Облака дыма валатъ изъ засады, градъ выстрѣловъ встрѣчаетъ его на под-дорогѣ, головорѣзы смѣшались, будто валъ налетѣвшій на подводную скалу, но молодежь молодежь не оторопѣла — выпалилъ въ лобъ первому что было

участіе, останутся только не многіе, чтобы сохранить объ немъ преданіе, и тогда будутъ благословлять имя Начальника, котораго и сердце и кошелькъ были всегда открыты для солдатъ, точно-такъ какъ вся жизнь его была великодушно посвящена на службу Царю и Отечеству.

И мы, насладившись пріятными минутами въ настоящемъ, и приобрѣты для будущаго еще одно пріятное воспоминаніе, — мы перестаемъ слушать шумъ волнений на западѣ и съ удовольствіемъ внимаемъ радостному и утѣшительному голосу своей наслѣдственной церкви; мы думаемъ, что миръ и спасеніе только тамъ, гдѣ находятъ отголосокъ звуки ея призывнаго колокола. Пусть гремѣтъ колоколъ на Западѣ, то звонъ не нашей церкви!

ВЗГЛЯДЪ НА ГИЛЯНЪ,

ВЪ ТОРГОВОМЪ, ПРОМЫШЛЕННОМЪ И
ЗЕМЛЕДѢЛЬЧЕСКОМЪ ОТНОШЕНІИ.

(Продолженіе.)

Здѣшніе капиталисты стараются всегда имѣть дѣло съ лицами заслуживающими довѣріе; по въ то же время, состоятельному помѣщику дѣютъ возможность на ссужаемыя деньги увеличить свои доходы не разоряясь; что ставить ихъ несравненно выше ростовщиковъ. Это легко объяснить слѣдующимъ примѣромъ:

Каждый помѣщикъ раздѣляетъ свою землю на двѣ части; одна предназначена для разведенія тутовой плантаціи, другая для посѣва риса (1). Предполагая, что помѣщикъ хочетъ развести новую плантацію въ 500,000 отростковъ шелковичнаго дерева, онъ долженъ занять деньги на расходъ, который будетъ простираться до 150 тумановъ (2), за исключеніемъ подати.

(1) Часть предназначенная для посѣва риса, при одинаковомъ пространствѣ, даетъ третью часть дохода плантаціи.

(2) Въ одномъ туманѣ 10 санбурановъ; въ одномъ санбуранѣ 2 панабата; въ одномъ панабатѣ 10 шаги; въ 1 шагѣ 50 динаровъ. Динаръ есть монета воображаемая. Туманъ равняется цѣнностью нашему голландскому червонцу и даетъ лаку отъ 2-хъ до 4-хъ шаговъ, т. е. отъ 10 до 20 копѣекъ мѣся.

хотѣлъ обратиться вснать, строится снова и снова ударилъ — пробивается въ самый центръ табора, рубить, рубить, уничтожаетъ. Все бѣжитъ передъ нимъ; толстый бекъ ищетъ спасенія въ своей кибиткѣ. Гарунъ врывается за нимъ, хочетъ отомстить за упрямое сопротивленіе, взмахнувъ кинжаломъ, — вдругъ раздается крикъ женщины, кто-то схватилъ его за руку, обернулся. . . что значить чудеса Дивистава, что толубыя Перси съ рубиновыми косами. . .

Тутъ дервишъ снова началъ лязкомъ Гасиза, но къ несчастью, другой предметъ обратилъ на себя всеобщее вниманіе.

Но главной улицѣ тащился всадникъ на ослицѣ; бѣдокъ былъ высокъ, дороденъ, а ослица маленькая и, бурка, висѣвшая на первомъ, закрывала обоихъ такъ, что изъ подъ ея косматыхъ крыльевъ выглядывали только двѣ головы, ослиныя уши и шесть ногъ — четыре съ коньками, а двѣ въ туфляхъ. Иной, слишкомъ торопливый зоологъ принялъ бы эту пару за одно шестипауное животное; но не долго остался-бы въ заблужденіи.

Улица эта тянется прямо черезъ весь городъ, и, перерѣзавъ рынокъ, по близости она выходитъ въ поле. Обѣ стороны ея состоятъ изъ однихъ лавокъ. . . . Только что поровнялся съ первою лавкой нашъ всадникъ, какъ изъ нее выглянуло нѣсколько челоъкъ: одинъ, всмотрѣвшись въ него, вложилъ два пальца въ ротъ, и свистнулъ. Тоже самое повторилось въ сосѣднихъ лавкахъ, далѣе, далѣе и скоро всѣ сидѣльцы вышли на улицу, и каждый свистнулъ по своему — свистомъ, крикомъ, или рукоприкладіемъ — приветствовать прѣзжаго. Но мѣръ того какъ онъ ѣхалъ впередъ, лавки, оставшіяся на задѣ, утихали; а тѣ къ которымъ онъ подъѣзжалъ, начинали приветственный концертъ: — словомъ, шумъ поднимался вмѣстѣ съ нимъ какъ потокъ, несущій на себѣ лодку. Сначала, нашъ рыцарь не обращалъ на это вниманія и съ непоколебимою важною глядѣлъ впередъ; за то ослица выразительно давала знать, что эта сцена ей не по вкусу: она бокально поглядывала на обѣ стороны, поднимала уши — то правое, то лѣвое, по-перемѣнно; наконецъ, стала слегка брыкаться. Тутъ всадникъ потерялъ терпѣніе. — Съ кѣмъ это вы шутите, сыны грѣха? . . . Вотъ я васъ! Сказавши это, хотѣлъ что-то вынуть изъ-за пазухи, — вѣроятно какой нибудь талисманъ противъ шаловноты насмѣшниковъ, — но, откидывая бурку, ударилъ ослицу по головѣ и закрылъ ей глаза. . . . Испуганное животное растеряло посѣдній толкъ — сложило уши, брыкнуло и пустилось вскачь; бѣдокъ дѣлаетъ вольтъ съ сѣдла на шею скакуна, а между тѣмъ, шумъ и гамъ растутъ, увеличиваются звукомъ инструментовъ и стукомъ молотковъ въ сосѣднихъ куницяхъ. . . . Тамъ и сямъ раздаются почетные выстрѣлы изъ пистолетовъ, въ знакъ желанія Махмудъ-беку счастливаго пути. Махмудъ-бекъ грозитъ и бранится, а самъ несется какъ вихрь. Съ радостью отретировался бы онъ на сѣдло, но передняя, высоко-торчащая лука не позволяла этого

Разсадивъ свои отростки, онъ потеряетъ до 50,000, которые высохнутъ или испортятся, но получить 450,000 хорошо взошедшихъ тутовъ. Каждые 45,000 дадутъ ему одинъ тилимбаръ шелку, черезъ два года послѣ насажденія, такъ что у него уже будетъ тогда 10 тилимбаровъ; съ каждаго тилимбара онъ получитъ 1 1/4 м. шелка, а съ 10-ти соберетъ 12 1/2 меновъ. Каждый ментъ, среднимъ числомъ, дастъ ему 12 тумановъ, то есть всего 150 тумановъ. Заплативъ половину (75 т.) фермеру и 10 тумановъ подати въ казну, помѣщику останется 65 тумановъ, которые онъ обратитъ въ уплату своего долга уже возвысившагося до 216 туман. т. е. 20% въ годъ; слѣдовательно, онъ будетъ долженъ: чрезъ два года 150 туман. (съ процентами 18 2/10); продолжая ежегодно уплачивать по 65 тум., на четвертый годъ, долгъ уменьшится до 116 2/10 тум. (139 44/100 съ проц.), на пятый годъ до 74 44/100 тум. (89 320/1000 съ проц.) и чрезъ пять лѣтъ на помѣщикъ будетъ состоять всего долгу 24 8/25 тум. сумма, которую онъ весьма легко можетъ уплатить немедленно, изъ прочихъ своихъ доходовъ; такъ что, чрезъ пять лѣтъ онъ будетъ имѣть очищенную отъ долговъ плантацію; кромѣ того, весь этотъ расчетъ слѣланъ въ предположеніи, что доходы съ нея оставались одни и тѣ же, вѣсколько не увеличивались въ теченіе пяти лѣтъ. Каждый помѣщикъ можетъ не стѣсняя себя, опредѣлить на очистку своего новаго имѣнія отъ долга пяти-годовой барышъ съ него, довольствуясь доходами съ старыхъ плантацій и рисовыхъ полей, тѣмъ болѣе, что помѣстье, необремененное долгами, даетъ въ Гилянѣ, при обыкновенныхъ условіяхъ, отъ 20 до 30%, а при хорошихъ, отъ 30 до 50% годового дохода.

И такъ, кромѣ общаго опредѣленія какое даетъ деньгамъ политическая экономія, называя ихъ орудіемъ обмѣна, въ этомъ краѣ, онѣ составляютъ предметъ внутренней торговли, товаръ, который сбывается съ 20 и 25% барыша, соединяя въ себѣ всѣ фазы торговаго оборота — рискъ в выигрышъ, успѣхъ и неуспѣхъ и пр.

Денежные займы производятся здѣсь съ Декабря по исходъ Марта. Наурузъ, (9 Марта) начало новаго гражданскаго года, есть главная эпоха разходовъ помѣщиковъ и Правителей, для которыхъ наступаетъ тогда срокъ взноса годового *малиата*. Срокъ уплаты по займамъ, есть *пуранъ*, или сборъ шелка, отъ начала Юлія до конца Сентября. Будетъ ли вексель подниманъ въ Октябрѣ или въ Мартѣ, за 10 или за 6 мѣсяцовъ до срока упла-

сдѣлать единственнымъ залогомъ спасенія остается пара длинныхъ ушей: онъ хватаетъ ихъ обѣими руками, держитъ за нихъ всю силу, — и все такъ скачетъ и скачетъ. . . . Вотъ, онъ встаетъ въ среднюю толпу, собравшейся около деревца: — однихъ опрокидываетъ, другихъ давитъ. . . . наконецъ самъ теряетъ равновѣсіе и какъ гора падаетъ на землю. . . . И — о чудо! — вдругъ все затихло. Кто хотѣлъ хлопнуть въ ладоши — тихо опустилъ руки и спрятавъ ихъ въ карманы; кто хотѣлъ свистнуть въ пальцы, — оставилъ ихъ во рту, будто въ знакъ раздумья; кто хотѣлъ крикнуть, — обѣмѣлъ съ разинутымъ ртомъ. Мало того, нѣкоторые изъ присутствовавшихъ, послѣ нѣсколькихъ минутъ торжественнаго молчанія, бросились со всѣхъ ногъ за ослицей, которая, забывшись отъ тяжелой ноши, весело гуляла себѣ по рынку; другіе принесли Махмудъ-беку шапку, которая свалилась съ него; а тѣ, что были къ нему ближе прочихъ, рвались однимъ передъ другимъ помочь ему подымать съ земли и привести въ порядокъ свой туалетъ. . . . Отчего же такая перемена? — А вотъ отчего: Махмудъ-бекъ, въ то самое время какъ падалъ, вынулъ свой талисманъ и поднялъ его надъ головою, во всю длину руки; а талисманъ этотъ былъ четвероугольный, бѣлый, съ красною нечистою посреднѣй.

Сынъ Абдулы дрежалъ отъ злости. Но могъ ли онъ устоять противъ столькихъ знаковъ глубокаго почтенія? Онъ былъ человѣкъ, не камень. . . . Все кончилось потокомъ проклятій и на этотъ разъ дѣло обошлось безъ побѣды. . . . Даже, вскорѣ, воротилось къ нему все прежнее спокойствіе; онъ перевелъ духъ, и дервишу, смотрѣвшему на него съ улыбкою, послалъ привѣтливое слово.

— Алейкумъ саламъ! Куда это собрался ты, Махмудъ-бекъ, въ такую позднюю пору? — спросилъ дервишъ, съ особеннымъ удареніемъ на словѣ бекъ. — Извѣстное дѣло: по приказу начальства. . . . Охъ, Мустафа! Какъ тяжело быть должностнымъ человѣкомъ. . . . то-то, то другое. . . . вотъ хоть бы теперь: набѣги стали чаще, — такъ я и ѣду по саламъ устраивать порядокъ. — Однакожъ. . . . неужели должно уже до того, что такая важная и почетная особа сама должна безпокоиться? — А развѣ ты не слышалъ, что вчера напали на Бала-бека? . . . Пожалуй, эти плуты готовы завернуть и къ намъ, въ Шемаху. . . . Но, постоя: вотъ я доберусь до нихъ! Дервишъ отвернулся и насмѣшливо изкривилъ ротъ: немного онъ думалъ о власти Махмудъ-бега, и еще меньше о его способности къ подобнымъ порученіямъ. Между-тѣмъ, одинъ изъ постороннихъ, какой-то оборванный нищій, внимательно прислушивался къ этому разговору и съ любопытствомъ глядѣлъ на должностную особу; потомъ, помогъ ей взглянуть на ослицу; когда же, простившись съ дервишемъ рукою, а съ прочими — важнымъ склоненіемъ головы, Махмудъ поѣхалъ, — то нищій пошелъ за нимъ.

(Продолженіе въ слѣд. №.)

